Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца
(по материалам рукописи «Чина исповеданию»)

Е. А. Потехина

Елена Александровна Потехина, доктор наук, заведующая отделом славянского языкознания Института восточнославянской филологии Варминско-Мазурского университета в Ольштыне. 10–719, Польша, Ольштын, ул. Михала Очаповского, 2. E-mail: helena.pociechina@uwm.edu.pl

Цель статьи — дополнить сложившуюся в научной литературе общую картину жизни крестьян-старообрядцев, проживавших на территории Польши. Жизнь крестьянской общины беспоповцев в конце XIX — начале XX в. регулировалась изнутри при помощи документов церковного права. Одним из таких документов является «Чин исповеданию», предназначенный для совершения таинства покаяния. Рассматриваемая в статье рукопись хранилась в бывшем Спасо-Троицком монастыре села Войново на Мазурском поозерье. Основная часть текста рукописи составлена в форме вопросов, содержание которых позволяет эксплицировать систему запретов и разрешений, охватывавшую все сферы жизни члена общины. Форма текста обусловлена его прикладным характером: он направлен на получение информации, а вопросительные предложения играют роль первой реплики в диалоге, предназначенном для обмена информацией. Оформление вопроса при помощи частицы *ли* требует однозначного отрицательного или утвердительного ответа. Анализ текста проводился методом профилирования. При составлении профиля не выделялись в особые фасеты вопросы догматического характера, связанные с особенностями христианского вероучения, свойственными так называемым беспоповским старообрядческим согласиям.

Ключевые слова: старообрядцы в Польше, беспоповцы, «Чин исповеданию», книжное наследие Войновского монастыря, таинство покаяния, социальная история сельской религиозной общины, профилирование текста

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-77-89

Цель нашей статьи — дополнить общую историческую картину быта старообрядцев-федосеевцев, сложившуюся в научном сознании, материалами, обнаруженными в тексте одной из рукописей, сохранившихся в Спасо-Троицком монастыре в селе Войново на Мазурских озерах, в Польше. Рукопись, о которой пойдет речь, называется «Чин исповеданию». Она представляет собой фрагмент Потребника[1], включающий полное описание таинства покаяния, в том числе несколько вариантов обряда исповеди, которые практикуют старообрядцы-беспоповцы. Объем рукописи — 349 страниц, размер листа нестандартный (10 × 12 см), на странице помещается от 8 до 11 строчек текста, написанного размашистым полууставом, одним почерком,

1. Потребник (в современной традиции: требник) — богослужебная книга, содержащая тексты чинопоследований (ритуалов) таинств и других священнодействий.

в две краски. По нашим предположениям, текст был составлен в конце XIX — начале XX века и писался по памяти, о чем свидетельствуют повторы одних и тех же вопросов на разных листах или запись вопросов вразбивку. Текст написан небрежно, без предварительной разлиновки страниц, листы пронумерованы примерно до середины рукописи. Чинопоследование включает традиционные части службы, которыми начинается и заканчивается ритуал: рукопись начинается с описания действий, совершаемых исповедующимся перед тем, как приступить к исповеди, затем следуют тексты молитв (в том числе обязательные молитва Исусова и Трисвятое) и псалмов — 4-го, 6-го, 12-го и 69-го, а завершается обещанием кающегося не грешить, чтением очистительной молитвы, фрагментов Нового Завета о прощении грешников: из 1-го послания Св. Апостола Павла Тимофею (1: 15–17), «Призвания Матфея» (Мф. 9: 9–13), Евангелия от Иоанна (Ин. 7: 53–8: 11); наконец, приводятся тексты 31-го псалма и тропаря «Объятия отча отверсти мне потщися». Один из вариантов исповеди представляет собой список вопросов, задаваемых кающемуся. Содержание вопросов позволяет представить жизнь деревенской общины изнутри, глазами самих членов общины: в общинах старообрядцев-федосеевцев, к которым принадлежали обитатели Войнова до начала XX века, документы канонического права выполняли функцию юридических документов, регулирующих «обдержнѣ» все стороны жизни, вплоть до самых интимных отправлений.

Краткая история старообрядцев на Мазурских озерах

История Войновской старообрядческой общины и монастыря подробно описана в работах польских исследователей второй половины и конца XX века (Sukertowa-Biedrawina, 1961; Jakubowski, 1961; Iwaniec, 1977, 1982, 2001; Jaroszewicz-Pieresławcew, 1994; Zielińska, 1996; Grek-Pabisowa, 1999; Orzechowska, 2012 и др.). Из этих работ, в значительной степени основанных на немецких источниках (см., напр.: Tetzner, 1902), можно узнать, что переселенцы-федосеевцы появились в Восточной Пруссии в 1830-х годах. В 1831 году около 380 семей (примерно 1213 человек) прибыли в Пишскую пущу на Мазурские озера из Царства Польского и из Режицкого уезда Витебской губернии Российской империи (Iwaniec, 1977: 108). Прусские власти с пониманием отнеслись к новым гражданам, однако, позволяя староверам приобрести здесь земли, они руководствовались исключительно экономическими соображениями: население Мазурского поозерья сократилось примерно на 14% из-за эпидемий и продолжительных войн, а приток польского населения на соседние земли был ограничен специальным декретом. Тем не менее согласно указу прусского короля Фридриха Вильгельма III от 5 декабря 1825 года первое поколение «филиппонов» (таково было официальное название староверов, данное им местными властями) освобо-

ждалось от воинской повинности при условии благоустройства территории, на которой поселятся их семьи (Sukertowa-Biedrawina, 1961: 46). Земли, проданные староверам (площадью 22–30 тыс. моргов для 200 семей), не были особенно плодородными, однако девственные леса и непроходимые болота идеально подходили для сохранения чистоты веры и обычаев (Iwaniec, 1977: 109–110).

В 1830-е годы на Мазурах возникло более 10 небольших староверческих поселений: Онуфриево (1830 г.), Войново, Замечек, Галково, Мостишки, или Николаево (все — 1831 г.), Свигнайно (1832 г.), Пяски, Кадзидлово, Осиняк, Петрово, Иваново (1840 г.). Главным занятием староверов на Мазурском поозерье было земледелие (Давыденкова, Баев, Козлова, 2015: 157). Старообрядцы зарекомендовали себя как отличные плотники и колесники, а также занимались садоводством, рыболовством, строительством дорог и торговлей. Во дворе каждого дома обязательно строилась баня, что приводило прусских чиновников в изумление (Sukertowa-Biedrawina, 1961: 40–41; Iwaniec, 1977: 114).

Центром колонии стала деревня Войново, по-немецки называвшаяся Эккертсдорф (Eckertsdorf — от фамилии местного лесничего, который проводил размежевание), здесь поначалу проживали 145 человек, а в 1872 году — уже около 400. Деревня была основана 2 декабря 1831 года братьями Сидором и Ефимом Борисовыми (Соловьевыми?), выходцами из Режицкого уезда Витебской губернии, на берегу реки Крутыни, неподалеку от озера Дусь (Iwaniec, 1977: 111). В 1840 году в Войнове была построена моленная.

Строгие немецкие порядки в области хозяйственной жизни не соответствовали житейским принципам федосеевцев, которые, к примеру, не вели метрических книг, не признавали никаких форм регистрации, не присягали в суде, отказывались подписывать какие-либо документы. Сложная криминальная обстановка в регионе, населенном колонистами, не имевшими никаких документов, удостоверяющих личность, представлявшимися только именем и отчеством, заставила прусские власти провести в 1839 году первую регистрацию населения, во время которой федосеевцы получили фамилии. В это время в десяти деревнях в 114 дворах проживало 829 старообрядцев, 19 евангеликов и 3 католика (Jakubowski, 1961: 90). В 1841 году прусские власти значительно ограничили приток эмигрантов с территории Российской империи на Мазуры, что лишило местных землевладельцев дешевой рабочей силы, а в местечко Укта для надзора за староверами был прислан полицейский чиновник, наделенный специальными полномочиями. Установление в 1842 году обязанности по ведению книг для регистрации рождений и смертей, введение в 1843-м — воинской повинности для мужчин, достигших 25-летнего возраста, в 1847-м — школьной повинности для девочек, а также другие обстоятельства, такие как, например, требование оплаты церковной десятины евангелическому приходу в соседней с Войновом Укте, привели к массовой эмиграции старообрядцев с Мазурских земель.

Кенигсбергские власти, испугавшись появления огромных заброшенных территорий в регионе Мазурского поозерья позволили федосеевским монастырским общинам из России приобретать здесь земли. Вокруг Войнова появилось множество скитов (монастырей), как мужских, так и женских — для федосеевцев-безбрачников это было привычно. В 1836 году бывшим наставником старцем Лаврентием (Григорьевичем) Растропиным около Войнова на берегу озера Дусь был заложен скит (Iwaniec, 1977: 121), на месте которого вскоре был построен Войновский монастырь, впоследствии ставший самым известным заграничным и крупным религиозным центром федосеевцев на Мазурах. Сначала это было мужское общежительство, поддерживаемое и финансируемое Московской Преображенской общиной, готовившей себе укромное убежище за границей на случай дальнейшего усиления правительственных преследований (Jakubowski, 1961: 97; Iwaniec, 1977: 121). Кроме денег (6 тыс. талеров на покупку 12 волок земли), представители Преображенского кладбища выслали в Войново три воза старых книг и икон (Iwaniec, 1977: 121). Деятельность монастыря в период между 1852 и 1867 годами была тесно связана с именем отца Павла, прозванного Прусским (в миру Петр Иванович Леднев), игумена монастыря, впоследствии перешедшего в единоверие и яростно полемизировавшего с «раскольниками». История монастыря и его самого известного воспитанника писателя Константина Голубова изложена в книге Эугениуша Иванца (2001). С 70-х годов XIX века монастырь, оставшийся без лидера, переживал экономические трудности и в конце концов был в 1884 году закрыт. Надежных сведений о жизни в нем вплоть до 1895 года не имеется. Закрыты были и другие окрестные монастыри, деревянные постройки многих из них сгорели во время лесных пожаров. Подобная судьба ожидала и Войновский монастырь, если бы в 1895 (1898?) году Преображенское кладбище не прислало в Пруссию — из Казани или из Чистополя — молодую инокиню Евпраксию (в миру Елена Петровна Дикопольская), которая купила на свое имя монастырские постройки и прилегающие к нему земли.

Большинство жителей Войнова (182 человека) под влиянием миссионеров Русской православной церкви в 1880-е годы перешли в единоверие (Iwaniec, 1977: 138). Возрождение монастыря, следовавшего федосеевской доктрине, на определенное время задержало процесс возвращения староверов в лоно официальной церкви, но исторические обстоятельства сложились так, что количество сторонников «древлеправославной» веры на Мазурах неуклонно уменьшалось. По данным, приведенным Францем Тецнером, в 1899 году на Мазурах проживали уже всего 442 «филиппона», что составляло 20% населения основанных ими деревень (Tetzner, 1902: 217). После Первой мировой войны бывший оптинский монах Александр Аваев основал в Войнове единоверческий приход и построил здание для будущего православного монастыря (ныне Успенский женский монастырь). В 1930 году русская колония в Восточной Пруссии торжественно от-

праздновала 100-летие своего основания. В память об этом юбилее были выпущены почтовые открытки[2]. В конце Второй мировой войны и сразу после ее окончания на землях Пруссии старообрядческое население разделило судьбу своих ближайших соседей: многие призванные на службу в гитлеровскую армию мужчины погибли, часть выживших на Мазуры, территория которых отошла к Народной Польше, не вернулась, поселившись в Германии, оставшиеся в деревнях жители были репрессированы НКВД и вывезены в Сибирь. При написании книги, посвященной избранным страницам истории старообрядцев (Iwaniec, 1977), проживающих в Польше, Эугениуш Иванец обратился к наставнику Егору Крассовскому и настоятелю православного прихода священнику Александру Макалю с просьбой предоставить ему данные о количестве прихожан. Оказалось, что в старообрядческих деревнях и расположенных поблизости городах и городских поселках проживали 412 старообрядцев и 83 православных. В 1970-е годы многие старообрядческие семьи выехали на постоянное жительство в Западную Германию: как бывшие граждане немецкого государства, они получили социальную помощь и подъемные для переезда. Каждая семья из Мазурского старообрядческого района имеет родственников в Германии. Эмиграция завершилась фактически тогда, когда в районе остались только люди пожилого возраста. В настоящее время в приходской книге Войновской сельской моленной числится 41 человек. Это люди в возрасте от 75 лет. Большинство из них имеют образование как минимум среднее, а также профессиональное, техническое или высшее. В сельском хозяйстве не работает никто, возделывание приусадебных участков ограничивается несколькими овощными грядками и выращиванием цветов. В нескольких домашних хозяйствах есть пчелы. Некоторые живут в тех же, основанных их предками деревнях. Из старых построек сохранилось только три дома: один в Галкове, один (отремонтированный и перестроенный) в Замечеке и один (также перестроенный) в Пясках. В последние десять лет наблюдаются отдельные случаи репатриации, в основном потомки мазурских староверов, живущие в Германии, приезжают в Польшу на праздники (например, отметить Рождество или Пасху в кругу семьи), в отпуск или в летние месяцы на отдых.

Рукопись «Чина исповеданию» как источник сведений о жизни крестьянской общины

Археограф и исследователь старообрядческой письменности И. В. Поздеева обратила внимание на то, что памятники богослужебной литературы, составляющие бóльшую часть всех материалов, имеющихся в распоряжении ученых, ранее не исследовались

2. http://www.philipponia.republika.pl/jubel1930.htm.

как исторический источник (Поздеева, 2000: 112). Среди конфессиональных текстов особое место занимают Уставы, содержание которых непосредственно соотносилось с Кормчей книгой («Номоканоном»). В свою очередь, положения церковного права многократно повторялись при совершении таинства покаяния, «второго крещения», крайне важного для старообрядцев, не признающих церковной иерархии (беспоповцев). Первое фундаментальное историческое обозрение правил совершения тайной исповеди по греческим, южнославянским и русским рукописным текстам XII–XVII веков было предпринято А. И. Алмазовым, который исследовал именно «внешнюю», т. е. социальную историю исповеди (Алмазов, 1894/1: I).

Вслед за Алмазовым следует повторить, что каждый конкретный анонимный экземпляр текстов, регламентирующих таинство покаяния, индивидуален, хотя текст невозможно персонифицировать, практически нереально и обнаружить протограф. Вместе с тем анализ содержания Войновского текста показывает, что необходимость совершения таинства в конкретных условиях приводит к включению в существующие традиционные списки актуальных для этих условий вопросов, а это позволяет хотя бы косвенным образом их датировать (пусть приблизительно) и даже локализовать (по данным языка, хотя бы скудным). На старообрядческий характер рукописи, кроме ее местонахождения (в моленной Войновского монастыря), указывает также упомянутое в тексте единственное условие проведения исповеди: перед святым Евангелием (л. 1)[3].

Ниже будут рассматриваться фрагменты исповедальной части текста. Как уже было сказано выше, перед нами текст, отличный от повествовательного. Форма текста (список вопросов) обусловлена его прикладным, богослужебным характером: вопросительные предложения выступают как первый компонент сочетания реплик, предназначенных для обмена информацией в диалоге. Вопрос, оформленный при помощи частицы *ли*, требует однозначного отрицательного или утвердительного ответа. Вопросы в рукописи не всегда организованы тематически, в отличие от других аналогичных текстов, предназначенных для совершения обряда исповеди, где отдельно перечисляются вопросы, задаваемые «царям, вельможам, инокам, священникам, дияконам, а также всем християнам мужеска и женска полу» (Большой потребник, 1887: л. 165). В рассматриваемых фрагментах рукописи все вопросы перемешаны (выше отмечалось, что текст писался по памяти). При содержательно-тематическом анализе не учитывались вопросы догматического характера, связанные с особенностями христианского вероучения, в том числе касающиеся так называемой беспоповской доктрины. Им посвящены отдельные публикации (Потехина, 2009; Pociechina, Wiśniewska, 2013 и ряд других).

3. Здесь и далее ссылки на текст рукописи даются с указанием в скобках номера листа с левой и правой стороны.

Тем не менее следует помнить о том, что речь идет о богослужебном тексте и ситуации повседневной жизни рассматриваются в нем с точки зрения греховного действия, совершенного против Бога, и/или необходимости покаяния.

Регламентация социальных контактов вне семьи

Отношения членов общины с представителями других христианских конфессий, религий и национальностей основывались на антитезе свой/чужой. Несмотря на то что в случае нарушения постановлений, входящих в число Десяти Заповедей (кражи, убийства, прелюбодеяния, лжесвидетельствования, посягательства на чужое имущество), в содержании вопросов не отмечается различия между «своими» и «чужими», следует полагать, что контакты с «еретиками», иноверцами и представителями других христианских конфессий и деноминаций сводились к минимальному общению по необходимости. Епитимия налагалась уже в том случае, если у исповедующегося возникала мысль о почитании «всех христиан заодно»[4] (л. 28 об.), которая могла быть реализована, например, в совместном молении, застолье, посещении общественных заведений, домов «неверных» или «некрещеных»: «у еретиков не ядал ли с ними или из их сосудов» (л. 46 об.); «не ходил ли в мечеть татарскую или в костел немецкую, или в школу к жидам, не мылся ли с ними в бане, не ходил ли с ними где в ярмонке в трахтир и вместе с ними ел и пил» (лл. 48 об. — 49), «путем идучи или в дом пришед неверных или некрещеному здраствуй или бог в помощь или бог простит» (л. 50 об.); «бывши болен, лекарей из них не принимал ли себе ползы иска, или они тебе кров отворяли» (л. 49 об.). В России до сих пор бытует стереотип о старовере, который постороннему жаждущему напиться не подаст. Так неправильно интерпретируется традиция, восходящая, по крайней мере, к Номоканону. В «Красном уставе» (1883) на полях имеется ссылка на хрестоматийный памятник древнерусской литературы «Слово Феодосия Печерского о вере христианской и латинской», который говорил о том, что иноверцам нужно дать есть и пить, а затем следует вымыть сосуды, которыми они пользовались, и помолиться.

Более подробно перечисляются грехи, совершенные против Восьмой заповеди («не укради»): «приемля татя и крадомая от них такоже покаяся яко татие», «обманик и тать един суд, взято займом и обманом ащели в милостыни оставится» (л. 47 об.). В Войновской рукописи отдельно указываются епитимьи за украденную у соседа соль, муку, рубаху, шубу, обувь или пряжу, за масло, яйца

4. Цитаты из текста здесь и далее даются гражданским алфавитом. В орфографии и пунктуации отражаются некоторые языковые особенности рукописи.

или холст (л. 46 об.), за кражу рябины, черемухи, гороху в поле или репы «или иного чего» (л. 49). О возникающих в деревенской жизни конфликтах свидетельствуют вопросы о том, не сжег ли исповедующийся по злобе чьего-либо дома, гумна или стога, или не вытравил ли своим скотом чужого поля или в лугах травы, не перепахал ли чужой пашни, не скосил ли чужой травы (л. 38), не попользовался ли чужим (л. 31). Спрашивалось также о том, не давал ли «в росты денег или жита какого» (л. 36).

Регламентировалось также отношение к домашним животным: «не бил ли чужого кочета или курицу до смерти» (л. 39), «не бил ли пса или кошку чужую» (там же), «не бранил ли скота коего» (л. 42), «не дал ли совета в сварбе» (л. 34 об.)

Отношения продавца и покупателя также оговариваются: в рукописи содержится вопрос о том, не обмерил ли кающийся, не обвесил ли кого-нибудь, торгуя (л. 38 об.). В рукописи отражены отношения хозяина и наемного работника: упоминается об уплате работнику (особенно сироте), о несправедливости вычетов из заработанного, вопреки договору (л. 42), а также говорится о повиновении властям и об уплате налогов («повинностей») (л. 36 об.).

Строго наказывается оскорбление не только делом, но и словом: «не звал ли кого жидом, или бесом, или собакою» (л. 48 об.); запрещаются сплетни и насмешки: «не уходиш ли на другой двор переносишь вести» (л. 46), «не приглядываеш ли, не прислушаеш ли» (л. 42), сквернословие и матерная брань (л. 35 об. и др.); нельзя было ругать малых детей, досадовать на них или высмеивать молодых, больных, слепых, глухих, хромых, немых (л. 38).

Отдельно упомянем гендерную тему. Содержание вопросов, задаваемых мужчинам и женщинам, не только демонстрирует известное в патриархальных общинах разделение ролей, но и показывает более высокие требования, предъявляемые к женщинам. Например, предполагается, что именно женщина завлекает мужчин или играет с парнями: «не ходишь ли мимо артели молодых или кого водишь или что носишь или сводишь или знаешь или смущаешь» (л. 48).

Регламентация семейных отношений

Исторический контекст вопросов, касающихся семейных отношений, также заслуживает дополнительного исследования. Федосеевцы, составлявшие бóльшую часть жителей Войнова и окрестных деревень, до начала XX века не признавали браков: мужчины и женщины сожительствовали на свой страх и риск, поскольку за половые отношения им запрещалось участие в общественных богослужениях. Однако постепенно, под влиянием пропаганды Павла Прусского и антираскольной агитации русских миссионеров, брачное сожительство стало восприниматься как нечто естественное. Отсутствие в Войновской рукописи прямых свидетельств о брако-

отрицающей доктрине федосеевцев, кроме одного-единственного вопроса о том, не оправдывает ли кающийся «поморцов и новоженов» (л. 28 об.), отчасти служит основой ее датировки.

Отношениям внутри семьи в рукописи уделяется много внимания. Здесь мы коснемся этого вопроса в самых общих чертах. Например, следует спрашивать супругов о том, согласно ли они живут, советуются ли друг с другом, не действуют ли «без совету или не спросясь своих семейных», потому что «от того бывает нелюбовь и болшая замятка в домах и разделы» (л. 48). Строжайшее наказание (анафема или три года по 24 поклона на день) полагается отцу в случае неравного раздела имущества между детьми «кроме дочери или и та есть и отдана в замужство и была награждена за неравность» (л. 38), а также за то, что ругал «по злобе за досаду» взрослого сына «не уча, когда он мал был» (л. 38 об.). С другой стороны, согласно древней традиции до самых мелочей регламентируется их интимная жизнь, а также выражается запрет на кровосмесительные отношения, гомосексуальные отношения и зоофилию (Потехина, 2009).

Как уже упоминалось выше, наказанию подлежали любые виды словесных оскорблений. Более подробно регламентируются запреты на действия и слова в отношении членов семьи, к которым причисляются также крестные отец и мать: «не судишь ли отца своего крестного в каких недостатках, не злоречишь ли отцу или матери крестным, отца родного или матерь, или брата или сестру не бил ли», «слушаешь ли отца и матери и почитаеш ли их, не осержаешся ли на них, братиев и сестр» (л. 48), «не бранилась ли с снохой или свекром с золовкой» (л. 50) (далее перечисляются бранные слова, которые нельзя употреблять).

Семейные отношения можно рассматривать также в связи с нарушением Шестой заповеди. Соответствующие вопросы учитывают не только намеренное лишение человека жизни — к убийству приравнивается также подкидывание рожденного ребенка в руки неверных (скверных) или оставление его в «пустом прохожем месте» (крайне частое у федосеевцев, избавлявшихся разными способами от нежеланных свидетельств сожительства, см.: Iwaniec, 2001), детогубство: провоцирование выкидыша и «вымаривание» «чрева» зельем (л. 41 об.). Свидетели, а точнее, свидетельницы таких преступлений: двоюродная сестра, мачеха, теща, женина сестра, — но не муж и не отец (!) — также обязаны покаяться (л. 42 об. — 43).

Правила телесной и духовной гигиены

В самом начале списка, после вопросов о том, не утаил ли кающийся во время предыдущей исповеди каких-либо грехов и молится ли ежедневно, предлагается спросить о «немытыми руками ядении» и о том, не случилось ли прикасаться немытыми руками

к святым иконам и книгам, брать нож, ковш или хлеб или молиться богу (л. 29 — 29 об.).

Для староверов естественно соблюдение постов. Тем не менее обычный прием пищи, независимо от того, приходится он на постные дни или на скоромные, облагается множеством дополнительных запретов, происхождение которых на сегодняшний день не объяснено. Общеизвестно, что старообрядцам запрещалось пить чай и вино (л. 35), а также кофе (л. 41). Нельзя было также есть с утра, перекусывать в перерывах между установленными приемами пищи и после вечерни (известно, чем перекусывали крестьяне: луком, репой, горохом, ягодами) (л. 31), запрещалось выходить из-за стола во время еды на двор (по нужде?) (л. 33), а также выносить еду на улицу, выходить на улицу с куском и есть на ходу (л. 49 об.), запрещалось пить ночью («ночью пробужаясь, не пиеш ли яко скот») (там же). Некоторые из предписаний, связанных с едой (молчание во время обеда, л. 32), и поныне сохраняются в русской традиции, например: «когда я ем — я глух и нем».

Целый ряд вопросов адресован женщинам, из которых мы узнаем, что им запрещается смеяться до слез (л. 35), молиться с непокрытой головой (ВР, л. 32 об.), носить серьги и перстни (л. 39 об.), надевать модные ситцевые цветные сарафаны и платки (л. 39 об.), глядеться в зеркало или пользоваться косметикой («не белилась ли белилами или румянам мазалась») (л. 40), бывать в трактире с подругой или другом (л. 40 об.). К женщинам обращены также вопросы, касающиеся магических действий, например: «не садила ли» она «курии яйца под галку»[5].

Запреты налагались также на посещение театра или «камеди», участие в забавах («в масленицу не катался ли», «на ряженых не глядел ли») и играх (названы «вертушка», карты, шашки и «скаски») (л. 50). Анахронизмом времен царя Алексея Михайловича звучит задаваемый женщинам вопрос о том, не слушали ли они «скоморошеств» или «гуселников».

Заключение

Исследователи старообрядчества в посвященных этой теме статьях, пишут об очевидных тенденциях к исчезновению «немногочисленных и консервативных согласий беспоповщины» «вместе с породившим их миром русской деревни», «все меньше остается носителей крестьянской идеологии» (Рудаков, 2016). Можно сказать, что на Мазурских озерах старообрядцы уже практически исчезли с социального горизонта: в масштабе всей Польши старообрядчество воспринимается как историческая маргиналия. В 1960-е годы профессор Ягеллонского университета Виктор Якубовский полагал,

5. Нам не удалось определить значение данного магического действия.

что «мазурские» старообрядцы обречены на окончательную ассимиляцию, а существование группы зависит от того, осознают ли ее члены свою связь с русским народом и его культурой (Jakubowski, 1961: 102). Однако следует признать, что прогноз Якубовского все же не оправдался: окончательной ассимиляции старообрядцев не произошло. Произошло другое: разрыв связи между старшим поколением и последующими, приведший к тому, что уходящее поколение не в состоянии передать своим детям и внукам традиции и обычаи, потому что те не желают их наследовать. Современная молодежь не хочет оставаться в деревне, несмотря на постоянно совершенствующуюся инфраструктуру, не желает вести традиционный образ жизни и отказываться от мирских благ. Единственное, что остается ученым, — это пытаться реконструировать фрагменты исчезающей культуры на основе сохранившихся прецедентных книжных текстов. К счастью, староверы охотно вступают в контакт с учеными, если сталкиваются не с праздным любопытством, а с серьезным подходом к делу и с реальными знаниями. Поэтому можно надеяться, что благодаря объединенным усилиям историков, филологов и социологов старообрядческие книги и рукописи лягут в основу новых исследовательских концепций и наполнят жизнью абстрактные рамки исследовательских моделей.

Библиография

Алмазов А. И. (1894). Тайная исповедь в православной церкви. Опыт внешней истории. Т. 1–3. Одесса: Типо-литография штаба Одесского военного округа.

Большой потребник (1887). Москва: типография единоверцев при Свято-Троицко-Введенской церкви. [Перепечатка издания Московского Печатного двора 1623 г.]

Давыденкова А. Г., Баев В. Г., Козлова Т. И. (2015). Старообрядчество в культуре России. Философские и социально-правовые аспекты / под общ. ред. М. А. Арефьева. Санкт-Петербург.

Даль В. И. (1955). Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Книга, именуемая «Устав домашния молитвы и прочих християнских обрядов» («Красный Устав»). URL: http://www.staropomor.ru/Ustav(2)/krasn_ustav.html (дата доступа: 29.11.2010).

Кормчая. Напечатана с оригинала патриарха Иосифа 1650 г. URL: http://www.kopajglubze.boom.ru/kormczaja.htm (дата доступа: 29.11.2010).

Поздеева И. В. (2000). Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. № 6. С. 112–115.

Потехина Е. А. (2009). Концепт «грех» в православном дискурсе исповеди // Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ / под ред. А. К. Киклевич, А. А. Камалова. Olsztyn: CBEW. С. 43–70.

Рудаков С. В. (2016). Старообрядческие толки и согласия на территории Нижегородской области URL: http://ruvera.ru/articles/staroobryadcheskie_soglasiya_nijegorodskoiy_oblasti (дата доступа: 16.11.2016)

Чин исповеданию. Рукопись из собрания Войновского монастыря.

Grek-Pabisowa I. (1999). Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów. Warszawa.

Iwaniec E. (1977). Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX wiek. Warszawa.

Iwaniec E. (1982). Pamiętnik Antoniny Kondratjewej (1914–1916). Przyczynek do dziejów żeńskiego klasztoru staroobrzędowego w Wojnowie na Mazurach // Zeszyty Naukowe KUL. R. 25. Nr 2–4 (98–100). C. 235–262.

Iwaniec E. (2001). Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. Białystok.

Jakubowski W. (1961). Z historii kolonij rosyjskich na Mazurach // Slavia Orientalis. R. 10. Nr 1. C. 81–103.

Jaroszewicz-Pieresławcew Z. (1994). Starowiercy w Polsce i ich księgi. Olsztyn.

Orzechowska J. (2012). Войновский синодик. Лингвокультурологическое описание. Olsztyn.

Pociechina H., Wiśniewska N. (2013). Содержание таинства покаяния в свете современного права (по материалам старообрядческой рукописи) // Acta Neophilologica. XV/1. C. 323–331.

Sukertowa-Biedrawina E. (1961). Filiponi na ziemi Mazurskiej // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. Nr 1. C. 39–67.

Tetzner F. (1902). Die Slawen in Deutschland. Braunschweig.

Zielińska A. (1996). Wielojęzyczność staroobrzędowcow, mieszkających w Polsce. Warszawa.

The daily life of an Old Believer peasant (on the material of the manuscript „A Rite of Confession")

Helena Pociechina, Dr habil., Associate Professor, Head of Department of Slavic Linguistics at the University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland). ul. Michała Oczapowskiego 2; 10–719 Olsztyn. E-mail: helena.pociechina@uwm.edu.pl.

The article attempts to complement the image of the life of villagers who dwelled in Old Believers' communities in Masuria, Poland which has so far been presented in the academic literature of the subject. The life of priestless (bezpopovtsy) Old Believers at the turn of the 19th and 20th century was regulated on the basis of church laws. One of such documents was "A Rite of Penance", which a nastavnyk (a preceptor elected by the community) followed while performing the sacrament of confession. The current analysis concerns a manuscript from the former Saviour and Holy Trinity monastery in Wojnowo, Masuria. The main part of the manuscript was written as a collection of questions which allow the researcher to explicate the system of orders and permissions encompassing all spheres of life of an individual member of Old Believers' community. The form of the text was conditioned by its character and purpose. The questions were structured with the use of a particle "li" which requires an unambiguous positive or negative answer in every question. The text analysis was performed applying the procedure of profiling. While profiling, the author did not take into consideration dogmatic questions directly referring to the Christian teaching in the priestless Old Believers' strains.

Keywords: Old Believers in Poland, book heritage of the monastery in Wojnowo, sacrament of penance, social history of village religious community, profiling of text

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-77-89

References

Almazov A. I. (1894) *Tajnaja ispoved' v Pravoslavnoj Vostochnoj cerkvi: Opit vneshnej istorii*. [Secret confession of the Orthodox Eastern Church: Experience of foreign stories]. Vol. 1–3, Odessa: Tipo-litografija sztaba Odesskogo vojennogo okruga.

Bol'shoj potrebnik [Great Breviary] (1887), Moscow: Tipografija jedinovercev pro Sv'ato-Troicki-Vvedenskoj cerkvi. [Perepechatka izdanija Moskovskogo Pechatnogo dvora 1623 g.]

Dal V. I. (1955) *Tolkovij slovar' zhivogo velikorusskogo jazika* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. V 4 t. Moscow.

Kniga, imenujemaja „Ustav domashnija molitvi i prochikh khristijanskikh Obr'adov. [The Book named „Statute of home prayer and other Christian rites] („Krasnij Ustav" ["Red Statute"]). URL: http://www.staropomor.ru/Ustav(2)/krasn_ustav.html (accessed 29.11.2010).

Davidenkova A. G., Bajev V. G., Kozlova T. I. (2015) *Staroobr'adchestvo v kultur'e Rossii. Filosofskije i socjalno-pravovije aspekty* [Old Believers in the culture of Russia. Philosophical and socio-legal aspects]. Aref'jev M. A. (ed.). S. Petersburg.

Pozdejeva I. V. (2000). Liturgicheskij text kak istoricheskij istochnik [The liturgical text as a historical source], *Voprosi istorii,* no. 6, pp. 112–115.

Potekhina E. A. (2009) Koncept „gr'ekh" v pravoslavnom diskurse ispovedi [The concept of 'sin' in the discourse of Orthodox confession], Kiklewicz A. K., Kamalova A. A. (eds.). *Koncepti kulturi v jazike i texte: teoria i analiz* [Concepts of culture in language and in the text: theory and analysis], Olsztyn: CBEW, pp. 43–70.

Kormchaia. Napechatana s originala patriarcha Iosifa 1650 g. [Printed from the original of Patriarch Joseph of 1650]. URL: http://www.kopajglubze.boom.ru/kormczaja.htm (accessed 29.11.2010).

Rudakov S. V. (2016) *Staroobryadcheskije soglasija i tolki nijegorodskoj oblasti* [Old Believers denominations in Nizhegorodskaja oblast]. URL: http://ruvera.ru/articles/staroobryadcheskie_soglasiya_nijegorodskoiy_oblasti (accessed 16.11.2016).

Chin ispovedaniju [A Rite of Confession]. Manuscript from collection of Vojnovo monastery.

Grek-Pabisowa I. (1999) *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*, Warszawa.

Iwaniec E. (1977) *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX wiek*, Warszawa.

Iwaniec E. (1982). Pamiętnik Antoniny Kondratjewej (1914–1916). Przyczynek do dziejów żeńskiego klasztoru staroobrzędowego w Wojnowie na Mazurach, *Zeszyty Naukowe KUL*, R. 25, nr 2–4 (98–100), pp. 235–262.

Iwaniec E. (2001) *Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia,* Białystok.

Jakubowski W. (1961) Z historii kolonij rosyjskich na Mazurach. *Slavia Orientalis*, r. 10, nr 1, pp. 81–103.

Jaroszewicz-Pieresławcew Z. (1994) *Starowiercy w Polsce i ich księgi,* Olsztyn.

Orzechowska J. (2012) *Vojnovskij sinodik* [Synodik from Vojnovo. Linguoculturological approach], Olsztyn.

Pociechina H., Wiśniewska N. (2013) Soderzhanije tainstva pokajanija v svete sovremennogo prava [The matter of sacrament of penance from the point of view of modern law], *Acta Neophilologica*, XV/1, pp. 323–331.

Sukertowa-Biedrawina E. (1961) Filiponi na ziemi Mazurskiej, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 1, pp. 39–67.

Tetzner F. (1902) *Die Slawen in Deutschland.* Braunschweig.

Zielińska A. (1996) *Wielojęzyczność staroobrzędowcow, mieszkających w Polsce*. Warszawa.